

культурных или даже этнолингвистических связей. Хотя проф. Л. Згуста почти не касается этой проблемы¹, все же из некоторых его замечаний по поводу малоазийских параллелей к толкуемым им иранским именам Причерноморья можно заключить, что наш автор склонен видеть здесь независимые параллели (ср. §§ 203 — Σασας, § 228 — Τιβης²). Хотелось выразить надежду, что подготавливаемая проф. Л. Згустой книга по ономотологии Малой Азии (стр. 11) окажет значительную помощь в решении затронутой нами проблемы боспорско-малоазийских омонимий.

Подведем итоги разбора книги проф. Л. Згусты.

Постановка вопроса о наличии в ономотологическом материале Северного Причерноморья следов киммерийского и, возможно, других, пока не определенных языков, начинает принимать, как нам кажется, реальные формы благодаря точному выделению иранских³ и фракийских имен (соответственно языков). Это является неоспоримой заслугой нескольких поколений ученых-иранистов, в том числе наших современников М. Фасмера, проф. В. И. Абаева, Я. Гарматта и проф. Л. Згусты, который в своей книге дал интересную сводку иранских, фракийских и других антропонимов Причерноморья.

Б. И. Надель

J. Hubschmid. Schläuche und Fässer. Wort- und sachgeschichtliche Untersuchungen mit besonderer Berücksichtigung des romanischen Sprachgutes in und außerhalb der Romania sowie der türkisch-europäischen und türkisch-kaukasisch-persischen Lehnbeziehungen («Romanica — Helvetica», vol. 54). — Bern, 1955. 171 стр.

Рецензируемая книга швейцарского ученого Иоганнеса Губшмида представляет собой оригинальное исследование, посвященное проблеме так называемых «легко подвижных слововещей» (Wörter für Sachen, die leicht wandern). Приводимый И. Губшмидом этимологический материал по существу неоднороден. С одной стороны, мы находим здесь ряд «типов», к которым сводится огромное количество разноразличных и разноречивых обозначений бочек и бурдюков, а с другой — ряд обозначений, объединяемых лишь в небольшие группы. В первом случае в центре внимания стоят связи друг с другом больших лексических пластов (в пределах типа), материально обиходя для многих языков от Испании до Дальнего Востока. При этом автор делает выводы относительно контакта (отчасти родства), а также хода распространения фактов материальной культуры и языка. Во втором случае внимание сосредоточивается на связях между собой двух определенных слов, исследование ориентировано на тот или иной язык или группу языков, выводы (помимо собственно этимологических) ограничиваются чаще всего семантическими переходами.

В общем книга охватывает — в том или ином виде — большинство языков Африки и Евразии, при этом особое внимание автор обращает на западноевропейские языки. Собственно этнографическая часть имеет вспомогательное или иллюстративно-описательное значение.

Основная ценность работы И. Губшмида состоит в установлении и уточнении нескольких сот различных этимологий, из которых большинство мне кажется вполне приемлемым. Автору удалось получить первую доиндоевропейско (романо-германо-балтийско)-уральскую лексическую «изоглоссу» (стр. 160) и установить ряд весьма интересных лексико-культурных связей, пронизывающих западно- и отчасти восточноиндоевропейские (в том числе славянские) и тюркские языки, а также уральские, палеоазиатские, семитские и кавказские.

Весьма важным является то обстоятельство, что И. Губшмид привлекает для сравнения большое количество языков. Это является, безусловно, основным методическим требованием для всего направления «легко подвижных слововещей». Однако этим особенностям методики И. Губшмида далеко не исчерпаны. Сохраняя в области западно-европейских языков традиции романской школы Юда и Яберга, И. Губшмид широко использует методику лингвистической географии и привлекает обширный диалектный материал. Более того, стремясь к максимальной тщательности исследования, он широко привлекает памятники и критически проверяет по первоисточникам показания словарей и выводы предшествующих исследователей-этимологов.

Тема, избранная Губшмидом, имеет огромное значение с точки зрения исследования «подвижных слововещей». Следует, однако, отметить, что он пришел к данной теме

¹ В разделе «Малоазийские имена» приводится всего лишь несколько имен бесспорно анатолийского происхождения, например: § 745 — Δαλπασις, § 746 — θυς и § 751 — Μαυδασης.

² Малоазийские параллели к именам, образованным от детских слов, типа Αττα; Ατπα, см. в § 594.

³ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, т. I, стр. 147—148.

чисто эмпирически (как это, впрочем, и бывает в большинстве случаев), т. е. заинтересовавшись соответствующими этимологиями и накопив ряд этимологических наблюдений по обозначениям бурдюков и бочек в ходе предшествующей работы (ср. стр. 5).

Самым интересным и существенным в рамках данной проблемы является, на мой взгляд, изучение межъязыковых связей большого масштаба, т. е. установление самих «типов» или пластов, пересекающих языки.

Неясен принцип, по которому у Губшмида привлекаются одни языки и оставляются в стороне другие. Он недостаточно использует большой словарный материал многих, и в частности славянских, языков, но, с другой стороны, у него на первый план нередко выступают детальные диалектно-географические и филологические разыскания в области романских и германских языков. Кроме того, изучение «типов» нередко пересекается у него анализом материально-изолированных обозначений той или иной языковой группы. Среди параграфов, посвященных в основном «типам», мы находим, например, § 14 — «Отдельные обозначения бурдюков в Южной Франции и на Иберийском полуострове». Вопреки всем методическим принципам (в том числе и принципу органического сочетания этнографического и языкового материала) выделяется § 20 (отчасти также § 19), содержащий замечания о бурдюках у семитов, без рассмотрения слов, служащих для обозначения бурдюков. Более четкая организация материала безусловно способствовала бы значительному уточнению результатов. Поставив рядом общие формулы первых выделенных «типов», мы не могли бы не задуматься, например, о некоторых межтиповых связях и т. д.

В книге иногда встречаются длинные отступления, посвященные разбору производных слов (стр. 42—53), имеющие нередко иллюстративно-описательное значение; в других случаях, наоборот, необходимые разъяснения отсутствуют (см. стр. 23 — литовск. *kule*). Изложение не всегда последовательно, что чувствуется уже в размещении вводных параграфов (1. Kulturlehnwörter; 2. Bisherige Arbeiten über Schläuche und Fässer; 3. Zur Methodik der Lehnwortforschung). Аргументация и соответствующие ссылки иногда недостаточно развернуты или вообще не даются.

Автор нередко ограничивается констатацией различных точек зрения по рассматриваемому вопросу, не предлагая окончательного решения, хотя в ряде случаев такое решение может быть получено без большого труда. Это объясняется, по-видимому, двумя обстоятельствами:

1. Известно, что во внутренней форме слова кристаллизуются самые тонкие и неожиданные движения человеческой мысли. Разъяснение для слова, обозначающего, например, голову, этимолог может искать и находить и в строительных терминах (крыша), и в терминологии, служащей для обозначения посуды (горшок) и т. д. Отсюда следует, что чем большее количество лексики охвачено в процессе подготовки какого-либо узкого этимологического исследования и чем более она разнообразна в семантическом отношении, тем глубже может быть раскрыта данная этимологическая тема.

2. Преувеличивая значение некоторых указанных выше приемов или средств исследования, И. Губшмид вместе с тем явно недооценивает метод внутренней реконструкции (т. е. сравнение материальных единиц одного и того же языка).

Следует, однако, отметить, что метод внутренней реконструкции до сих пор вообще мало освоен сравнительно-историческим языкознанием, так как оно формировалось на материале индоевропейских языков, а их родство могло быть разработано без широкого предварительного использования внутренней реконструкции (которая, таким образом, отодвигалась здесь на второй план)¹.

Необходимо, наконец, обратить внимание на проблематичность того положения Губшмида, что отмеченная им индоевропейско-алтайская лексика (обозначения животных и т. д. — стр. 95, 105, 126, 132) есть результат непосредственного контакта алтайцев и индоевропейцев в доисторической Азии (стр. 152).

В заключение следует подчеркнуть, что, несмотря на все сделанные замечания, книга И. Губшмида в целом должна быть оценена положительно².

Ю. В. Зыцарь

¹ Наоборот, в области баскско-кавказских языков всякое успешное межъязыковое сравнение возможно лишь на основе предварительной внутренней реконструкции (подробнее см. Ю. В. Зыцарь, Проблема языка басков в свете ее истории в выходящих из печати «Ученых записках Орловского гос. пед. ин-та, т. XIII, вып. 5, Кафедра русск. языка», 1957). Вообще можно вывести такую методическую закономерность: чем глубже разошлись языки данной родственной группы (в результате ли древности распада, или характера исторической общности, или того и другого одновременно), тем более обычное межъязыковое сравнение должно опираться на внутреннюю реконструкцию.

² Ряд уточнений по существу рассматриваемых Губшмидом вопросов предложен мной в подготавливаемой работе о строении и развитии баскского корня.